

ЗИНАИДА ГИППИУС

КАК ЭТО
СЛУЧИЛОСЬ

Зинаида Гиппиус
Как это случилось

«Public Domain»

1895

Гиппиус З. Н.

Как это случилось / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1895

«Доктора не позволяют мне работать все эти дни. Ужасно, что они не позволяют! Что же с нами будет? Кроме того, прескучно лежать и ничего не делать. И я придумал записать, как все это случилось. Теперь я, можно сказать, стою у порога жизни. Кончу курс – и все беды кончены! Там меня, вероятно, оставят при университете, потом пошлют за границу, авось... многие профессора меня отличают, как талантливого политикоэконома...»

© Гиппиус З. Н., 1895

© Public Domain, 1895

Зинаида Гиппиус

Как это случилось

I

Доктора не позволяют мне работать все эти дни. Ужасно, что они не позволяют! Что же с нами будет? Кроме того, прескучно лежать и ничего не делать. И я придумал записать, как все это случилось. Теперь я, можно сказать, стою у порога жизни. Кончу курс – и все беды кончены! Там меня, вероятно, оставят при университете, потом пошлют за границу, авось... многие профессора меня отличают, как талантливого политикоэконома... Только вот эта противная изнурительная лихорадка с бронхитом, когда она пройдет? Простудился – и не могу поправиться. А здоровым быть нужно, необходимо – и как можно скорее. Если я еще месяц проваляюсь – что же с нами будет? Впрочем, я забегаю вперед, а хотел рассказать по порядку. Я даже думаю, не рассказать ли с самого начала, с тех пор, как я почувствовал себя разумным человеком? Тем более, что скоро, – я уже упоминал, – кончается эпоха моей жизни и после, в те годы, когда я достигну спокойного благополучия, а может быть, и высокого положения, мне приятно будет вспомнить, как я стоял на перепутье – и как сумел вести себя по разумной и верной дороге, несмотря на все препятствия.

Начнем. Лишь бы не утомиться! Велит доктор лежать лишний день – вот беда! Но ничего, мне легко и удобно писать в постели.

Теперь мне двадцать два года. Я происхожу из старинной литовской фамилии, предки мои были знатны, богаты, большинство из них – люди замечательные. Многие находят, что моя фамилия недостаточно красиво звучит на русском языке – но я этого не нахожу. Меня зовут Петр Гуца. Не могу согласиться, что это некрасиво и смешно.

Смешно! Вот я всегда боялся этого слова! Одна мысль, что я могу быть смешон – бросала меня в дрожь. Я отлично знал, что во мне ничего смешного нет, однако так боялся этого, что был робок, неловок и оттого еще больше боялся показаться смешным. Когда мне было лет десять, я упал с третьего этажа. Выдержал воспаление мозга, болел тяжело и трудно и с тех пор я говорю не совсем ясно – когда спешу или волнуясь. Кроме того, я близорук, что придает много неловкости человеку. Я не особенно красив, выражение лица у меня напряженное, испуганное – это потому что я вечно слежу за собой и боюсь чужих насмешек.

Иногда мне особенно хотелось развернуться, поговорить, посмеяться, показать себя... Но сейчас же все обращали на меня изумленные взоры – и я умолкал и прятался.

Я учился в гимназии. Судьба забросила папу и маму далеко – на Кавказ. Я и родился на Кавказе, так же, как и мои многочисленные братья и сестры. Папа много работал. У него было прекрасное место, дающее деньги, необходимые для такой большой семьи. И мама тоже работала – давала уроки. Мы жили прекрасно. Я привык пить лучшее вино за обедом – и вообще мы с папой держались того мнения, что хороший, почти изысканный стол необходим. Это дает энергию, ясное направление мыслей каждому порядочному человеку. Мама знала мои убеждения – и даже, по свойственному матерям пристрастию к старшему сыну, – иногда очень мило баловала меня.

Дома я не боялся быть смешным. Дома знали меня, знали, чего я стою. Уже в шестнадцать лет я был с папой в дружеских отношениях, совершенно равных, мама советовалась со мною в каждом пустяке, а младшие братья и сестры были ко мне почтительны и нежны, как я того хотел, не смели пикнуть во время моих занятий, а если я говорил с ними ласково и позволял им пошуметь и побегать, они из благодарности стремительно бросались целовать мои руки, что, пожалуй, было уже и лишним.

В гимназии дела мои сначала шли скверно. Директор ненавидел меня. Папа хлопотал за меня. Не знаю, чем бы это все кончилось, если б мне не явилась счастливейшая идея перевестись из второй в первую гимназию. Директор первой гимназии оказался человеком милым, и я благополучно кончил курс.

II

Но незадолго до окончания курса со мной случилось обстоятельство, очень для меня важное.

В Тифлисе весна наступает рано, в начале февраля. Еще прохладно, еще небо голубеет сквозь голые ветви акаций, но уже чувствуется какая-то радость, какой-то свет, особая ласковость, точно в легком воздухе носится аромат еще нераспустившихся цветов. Всякий запах может быть так слаб, что его не слышишь, а только вспоминаешь о нем. Белые веселые лучи солнца ослепляли; на улицах казалось шумнее, точно и медленные арбы, и «кинто» – черномазые уличные продавцы в синих одеждах и серебряных поясах – решили двигаться проворно, спешить куда-то, может быть, навстречу весне.

В такой день один раз я шел к моему товарищу. Это был не гимназический товарищ – я их избегал, но друг моего детства. Наши семьи давным-давно состояли в самой тесной дружбе. Из всех моих знакомых я чаще всего бывал у Коли Порфирова, хотя он совершенно не подходил к моему характеру. Мы с ним родились в один день, а между тем я был уже взрослым человеком, серьезным, ответственным за свои действия, тогда как он в то же самое время держал себя, как гимназист, как мальчик, кувыркался, шалил... Он, в противоположность мне, любил всякий спорт, катался верхом, был довольно ловок... К сожалению, он мало говорил со мной и вряд ли серьезно относился к жизни и к будущей карьере.

У Коли были две сестры – гимназистки, обе очень похожие друг на дружку и мало интересные.

В этот день я хотел сначала поехать в сад, куда-нибудь за город, но потом передумал и пошел к Порфировым.

Порфиоровы занимали прекрасную большую квартиру.

Горничная сказала мне, что Коля на минутку вышел, но что барышни в гостиной, куда и барин сейчас придет.

Я миновал пустую столовую, где стулья чинно подымали свои высокие ореховые спинки и маятник стучал важно размеренно в футляре старинных часов. В гостиной до меня донеслась слабая музыка.

Я вошел – и первую минуту по близорукости ничего не увидел. К тому же и бархатные занавески были низко опущены на окнах. Солнечный столб, все-таки прорвавшийся, падал вниз, на малиновый ковер, и от этого ослепительного луча, в котором таяли пылинки, углы комнаты казались еще темнее.

Но через минуту я уже привык и стал различать пианино вдали, а за пианино незнакомую, никогда прежде мной невиданную девушку, тоненькую, как былинка, с двумя длинными черными косами, падавшими ниже табурета, на котором она сидела. Сестры Коли Порфирова имели волосы бесцветные и остриженные, как у мальчиков.

Незнакомая девушка продолжала играть, не замечая меня. Играла она не особенно хорошо, небрежно, как будто думала о чем-то другом, и едва касалась клавиш пальцами. Никого больше в комнате не было.

Я смутился ужасно, сам не знаю отчего, и сделал движение, чтобы уйти. Но в это мгновение девушка обернулась и увидела меня.

Она обернулась немного порывисто, так же порывисто вскочила и сделала несколько шагов в моем направлении.

Она оказалась очень высокой – выше меня гораздо, и это делало ее еще тоньше. Лицо у нее было маленькое, узкое, смуглое, без румянца, только губы краснели. Глаза длинные, с торжественным и злым блеском под тонкими бровями, почти всегда сдвинутыми, прямая линия носа, немного тупого, и пышные красно-черные волосы, напоминающие цветом темное вино – все это, вероятно, было красиво, но придавало ей вместе с тем что-то нехорошее, отталкивающее: так, я слышал, говорили очень многие.

Все мелкие подробности ее лица и фигуры я, конечно, тогда не мог заметить, но она меня сразу удивила и заинтересовала. Я не мог от смущения ничего сказать и стоял безмолвный, как дерево. Откуда она взялась? Почему она у Порфириных? Кто она?

– Вы ищите Колю, – сказала девушка, плотнее сдвигая брови.

Голос у нее был скользящий, небрежный, как ее игра на фортепиано.

Я все-таки молчал, и она повторила свой вопрос с большей настойчивостью:

– Вы Колю ищите, да? Его здесь нет. Вы Колин товарищ?

– Да... Товарищ...

– Чего вы боитесь?

– Я... не боюсь...

– Нет, я вижу, что вы боитесь. Это ничего. Познакомимся поближе, тогда вы меня перестанете бояться. Хотите посидеть со мною, пока не придет Коля?

– Я очень хочу...

– Да не бойтесь же, как вам не стыдно! Я вам дурного ничего не сделаю. Я сама ничего не боюсь. Садитесь, будем говорить.

Я покорно сел на диван в углу, подальше от светлого солнечного луча. Странная девушка села около меня. Я заметил, что на ней было чудное платье, сшитое из невиданной мною материи; не то оно было коричневое, не то желтое, пухлая, редкая материя была вся проткана золотыми нитями.

– Чтобы вы перестали бояться и удивляться, – начала моя собеседница, – я прежде всего скажу вам, почему я здесь и как меня зовут. Вы ведь Петя Гуца, да?

Она улыбнулась, показав ряд тесных белых зубов. В улыбке не было никакой веселости, а что-то злое – и мне стало тревожно.

– Почему вы знаете? – спросил я.

– Я слыхала раньше, что есть такой – Петя Гуца. И когда вы вошли – я сейчас же и увидела, что вы Гуца. Вы очень похожи на гуцу.

Я мучительно покраснел и стиснул зубы. Я не выношу ни малейшего оскорбительного намека на мою фамилию. Девушка, должно быть, заметила, что сделала мне неприятность, потому что опять улыбнулась и прибавила небрежно:

– Сделайте милость, не извольте на меня обижаться. Вы – Гуца, чем это плохо? А если и плохо (представим, что другие это думают), то на меня вам нечего обижаться. Меня тоже всякий может попрекнуть. Вы – Гуца, а я – жидовка. Не правда ли, стыдно быть жидовкой?

– Я... я не нахожу... Я не понимаю... Но неужели вы... действительно...

– Что вы там болтаете? Действительная ли я жидовка? Настоящая, мой друг, чистокровная! Ну, уж познакомимся сразу, чтобы вас не мучить, Бог с вами. Господин Порфиринов служил в Вильне. Это было давно. Там он случайно сошелся с одним евреем, очень богатым. Какое-то дела (я не знаю, но подозреваю, что какие-нибудь денежные одолжения, простая дружба не бывает крепка), связали их необыкновенно. Потом отец мой разошелся со всей своей семьей – родственников, впрочем, у нас было немного – и, чтобы порвать окончательно, окрестился перед смертью незадолго, окрестил меня – мне тогда было шесть лет – и, умирая, поручил опеку над мною господину Порфиринову. Ну, господин Порфиринов не стал, конечно, воспитывать жидовку со своими детьми, он поручил ее своей родственнице в Варшаве. Там я и жила до сих пор – и хорошо жила. Ведь я богата. Но мне минуло девятнадцать лет, господин Порфиринов

давно мой попечитель, не более! И я захотела побывать у него, посмотреть, как живут люди. И приехала. Понятно все? Я буду здесь жить. Мне здесь нравится.

– Я слышал о вас, – запинаясь, произнес я. – Мне Порфиры говорили. Но что же, значит, вы теперь не еврейка, а православная.

– Это оттого, что меня крестили-то? Нет, менять веру нельзя! Я за измену моего отца презираю. Я в душе жидовка и всегда жидовкой останусь. Меня и зовут Лея. Мне дали там какое-то другое имя, Людмила, что ли, но я никогда на него не откликалась. Так и настояла, чтобы меня Леей звали.

– Значит, вы теперь здесь останетесь? – осмелился я спросить и с беспокойством ждал ответа.

– Здесь, – твердо выговорила Лея. – Пока не выйду замуж. В Варшаву больше не вернусь. Ну что, вы не боитесь меня теперь? Или все-таки удивляетесь? Зачем я вам все объясняю – это вас удивляет? Да почему же не рассказать? Я всем рассказываю, потому что никто не понимает хорошенько, откуда я взялась. Вам же я еще с большим удовольствием объясняю, – когда на вас, как на мне, есть пятно в глазах других: я – жидовка, а вы – Гуща...

– Позвольте, позвольте, – не выдержал я. – Какое тут пятно? Я пятна не вижу. Гуща – это древнелитовская фамилия, и могу вас уверить, что все мои предки были людьми весьма замечательными, выдающимися.

– А-а! – холодно протянула Лея и с большим равнодушием оглядела меня с ног до головы. – Может быть. Я сказала только в том смысле, что над этим смеются, а по существу ведь и в жидовстве мало дурного...

Смеются! И зачем она меня отравила этим словом? Я покраснел, побагровел от злости, смешался окончательно и уже ничего не мог возразить.

Возражать, впрочем, и некогда было, потому что в комнату влетел, стуча сапогами, Коля.

– А, ты, – закричал он, увидя меня. – Познакомились? Успела она тебя заговорить? Не ожидал такую? Я сам, брат, не ожидал. Вот так барышня! Сестры мои так и присели, глаз на нее поднять не смеют, а сами себе такие туфли с переплетами заказали, как у нее!

Лея сверкнула глазами, презрительно подняла плечи – и закинула руки с узкими, розовыми ладонями за голову.

«Болтай себе что угодно – я не слышу», – говорила ее небрежная поза.

Коля увел меня в свою комнату. Я было попробовал продолжать разговор о Лее, – мне хотелось расспросить его хорошенько, но Коля уже все забыл: он с увлечением описывал мне лошадей, которых только что видел в конюшне одного своего товарища. И я остался, ошеломленный, обиженный – и вместе с тем уже увлеченный.

III

Не могу скрывать, что я очень скоро и очень сильно влюбился в Лею.

С ее приездом жизнь в доме Порфириных изменилась. Один Коля по-прежнему увлекался всеми видами спорта и получал по-прежнему свои гимназические двойки, но и сам Порфиров, человек довольно угрюмый, и жена его, и даже белобрысые Колины сестры – все глядели веселее. Барышни стали выезжать, увлеченные энергией Леи, которая самым откровенным образом кокетничала направо и налево, искала и радовалась не без злобы каждому новому поклоннику.

– Я еще не скоро выйду замуж, – говорила она иногда. – Еще рано, пожалуй. Но я хочу, чтобы меня любили. Ведь я сирота, – прибавляла она, опуская ресницы, – ведь меня так мало любили в детстве... Пусть же теперь меня любят, разве этого нельзя?

Мне нравилось в ней, главным образом, ее противоположность мне: она была бесконечно смела, никогда не боялась быть смешной – и никогда в смешное положение не попадала. Она

говорила что-нибудь такое, о чем я едва смел думать – и я весь замирал: Господи, что будет? Что скажут люди, которые ее слышат? Что теперь случится?

Но ничего не случилось. Все понимали прекрасно ее мысль, хвалили ее остроумие и смеялись вместе с нею, над чем она хотела. Она была недостаточно образована. Я видел ясно, что ей дали какое-то неправильное воспитание. Она знала греческую азбуку (откуда?) и не знала, что лекарство пишется через «е».

Один раз я даже вздумал протестовать, сказал, что греки не носили тог, потому что тога – одежда римская. Но все сначала непритворно удивились, услышав звук моего голоса, а затем дружно захохотали, громче всего – Лея, и заявлено было, что я со своей ученостью и педантизмом неуместен – точно не все равно, хламиды или тоги носили какие-то допотопные люди?

И Лея опять осталась правой, а я, хотя и твердо знал, что воистину-то прав я, – полюбил ее еще больше за ее какую-то неприкосновенность и неуловимость.

Не знаю, впрочем, можно ли сказать, что я ее любил. Я ею восхищался и необыкновенно ее боялся. Первое время, если нам случалось оставаться вдвоем, я окончательно немел, в спине у меня холодело и являлось чувство, будто я тихо ползу вниз. Но она постаралась меня ободрить. Скоро я заметил, что в большом обществе она смеется над всеми, презрительна со всеми – и, конечно, не щадит насмешками и меня, а чуть останется со мной наедине – делается совсем другая, серьезнее, милее, даже ласковее. Я было начал этому радоваться, когда случайно открыл, что она с каждым вдвоем делается ласковее и милее.

Ей все были нужны, она решительно никем не брезговала. Они ей нужны были, поскольку каждый мог ее любить. Это я понимал, но думал, что, хотя этого никто никогда не узнает, я, по существу, нужнее других, потому что, наверно, никто не обижал ее так, как я.

Все были нужны, – так я говорил себе, но порою казалось, что, в сущности, ей никто не нужен. Я стал пренебрегать своими занятиями – так пристально и серьезно изучал я характер этой девушки. Я радовался, когда видел ее ласковость с другими – потому что скоро выучился угадывать за всякой ласковостью – смех, злобу и презрение. Только если она ко мне делалась добра – я не видел дальше доброты и начинал ей верить.

Был уже конец апреля. Погода стояла жаркая. Деревья давно распустились. На Михайловской улице, прямой, как стрела, ведущей на берег Куры, в городской сад – сделалось тенисто и весело. А по утрам, когда поливали шоссе и усталые листья акаций, было влажно, и свежо, и ароматно – от целых ворохов мокрых роз на лотках уличных продавцов. Я любил вставать рано и пойти один куда-нибудь: за город, в поле – оно начиналось сейчас же за садом. В поле, версты за две, есть маленькая белая церковь и кладбище – под названием Дидубе. Церковь православная, но служат в ней по-грузински все дни недели, кроме понедельника. По понедельникам туда собираются русские богомольцы.

Я люблю Дидубе, в нем есть что-то скромное, тихое и простое. У церкви могила моего дяди. Я дядю почти не помнил, он умер, когда мне исполнилось всего шесть летно знаю, что он был артист, музыкант, красивый, и умер от чахотки в очень молодых годах. Его скрипка и до сих пор у нас. Я пробовал учиться, но как-то времени нет. А способности у меня, по всей вероятности, прелестные.

И вот я пошел в Дидубе. Утро было раннее, около семи часов, в сырых и темных аллеях сада было почти холодно – я обрадовался, когда миновал ворота и вышел на открытое место. Вдали на фоне гор, невысоких, покрытых теперь светло-зеленою травой, уже белела церковь Дидубе. Я шел бодро и весело – и не помню, о чем думал. Только мне было очень хорошо.

По дороге, вдалеке, и шли, и ехали – я не видел кто и чуть различал очертанья своими близорукими глазами. Но когда я уже достиг церковной ограды, где клонятся бледные, пышные ивы (солнце начинало жечь, и я обрадовался тени), вдруг два всадника остановили мое внимание. Они мчались, как сумасшедшие, прямо ко мне, как мне показалось. Я ждал и смотрел, стараясь разглядеть их лучше.

И я онемел от изумления, убедившись, что это была Лея и князь Сардорелли.

Давно я ненавидел князя Сардорелли. Он глупо, смело, по-грузински ухаживал за моей Леей. Она обращалась с ним сухо и дерзко, даже не насмешливо, обрывала его на каждом шагу. Никогда я не слышал, чтобы они катались вдвоем. И потому изумление мое не знало пределов теперь, едва я убедился, что это действительно они.

Лея подскакала к самой ограде и соскочила на землю раньше, чем князь успел ей помочь. Лея одевалась для верховой езды странно, выбирала цвета, которых я ни на ком не видал. Амазонка у нее была темно-красная, на голове что-то вроде треуголки. К ней шляпа очень шла, но вид был необычный.

– Петя, – сказала она, подавая мне руку, – мы ехали к вам. Вы не очень удивлены? Вы не знали, что князь и я совершаем иногда такие ранние прогулки? Я увидела вас и решила посмотреть, каковы-то вы на богомолье. Князь тоже очень интересовался. А какие чудные лошади у князя, не правда ли? И вообще он чрезвычайно любезен и мил-даже красив, не правда ли, скажите, Петя?

Я что-то бормотал, возмущенный, вне себя. Князь самодовольно улыбался, показывая неприлично белые зубы. Я с сердцем подумал, что он ей под стать, потому что похож на жида.

– О, конечно, – продолжала Лея, – я могла бы купить лошадей гораздо лучше еще, потому что я очень богата... (Мне показалось, что она из-под ресниц взглянула на Сардорелли). Но мне приятно, что это ваши лошади, князь, и что вы так любезны...

Князь кланялся, расцветая улыбкой. Я не верил своим ушам и глазам. Боже мой! Она – и Сардорелли! Правда, он из хорошей семьи – но у них долги! Дела запутаны! Да и сам он: ни образования, ни ума... И наружность: прямо кинто!

Я был вне себя. Кажется, я способен был что-то сказать... Но тут Лея внезапно переменила разговор и, взяв меня под руку, сказала:

– Петя, что же вы? Покажите нам Дидубе. Ведь это Дидубе? Что тут есть интересного? Это кладбище?

Мы пошли. Князь привязал лошадей к иве – и тоже пошел за нами.

Я молчал, Лея говорила, поминутно оборачиваясь к князю.

– Послушайте, князь, грузины очень религиозны? Не правда ли? А как они относятся к иностранцам? Скажите, они не любят евреев, например? Признайтесь, вам немного неприятно, что я жидовка, а?

– У такого прелестного цветка нет и не может быть нации, – галантно, но непонятно отвечал князь.

Лея захохотала.

– Прелестно, прелестно! К сожалению – неверно! Да, мой бедный князь, приходится покориться: я жидовка – и, главное, чувствую себя жидовкой! Да чем это худо, скажите? Вряд ли, если бы мой папенька был не еврей, накопил бы он три миллиона... Слышите, князь, у меня три миллиона!

Она смеялась, люди, проходившие мимо, оборачивались – я весь холодел и не знал, что делать.

Потом она перестала улыбаться, сдвинула брови и тихо сказала мне:

– Петя, не обращайтесь внимания. Помните, что всем очень, очень скучно, и мне тоже очень, очень скучно. Все думают, что я счастливая, а я проклятая. Будете это помнить?

– Буду... Только я вас не совсем понимаю... Если можно...

– Нет, все равно, – сухо проговорила Лея. – Пожалуйста, сегодня вечером приходите к нам. Придете?

– Постараюсь...

– Нет, наверное. А теперь – поедемте, князь. Пора. Мы, кажется, все осмотрели. До свиданья, Петя. Молитесь хорошенько Богу.

Она повернулась к князю, кивнула мне головой – и они ушли. Через минуту я услышал топот копыт за оградой.

IV

Не знаю почему – сердце у меня радостно щемило, когда я шел к Порфириным в этот вечер. Вообще я несколько раз замечал, что я необыкновенно чуток и нервен. Мама и папа всегда боялись моей впечатлительности. Человек с чуткими нервами, конечно, обречен на большие неприятности, чем человек толстокожий, но – я не ропщу! Я зато живу более полной жизнью, чем другой.

И вот я с радостной болью в сердце, с предчувствием чего-то важного – отправился к Порфириным.

Там было целое собрание дам, два московских студента, молоденький помощник присяжного поверенного, пять или шесть военных – золотая молодежь местного клуба, неизменный князь Сардорелли и еще одно лицо – новое, я раньше этого человека у Порфириных не встречал.

Как я узнал, это был приезжий – граф Рынин. Его лицо мне не понравилось. На вид ему казалось лет под пятьдесят, лицо сухое, желтоватое, усы тонкие, с проседью и волнистые волосы, почти совсем белые. Несмотря на седину, видно было, что он себя старым не считает – да и другие не считали. Держался он прямо, одевался удивительно – я даже заметил. Он привез с собой велосипед – в то время у нас новость – и разъезжал на нем. Он приехал на юг для здоровья и скоро собирался назад.

Что в Рынине так мне не понравилось – не могу объяснить. Вероятно, его ни на чем не основанное высокомерие. Не думаю, чтобы он обладал особенно широким образованием и развитием. Большинство петербургских чиновников, как я теперь знаю, порядочные кретины. Правда, я был гимназист, притом же молчаливый и сдержанный, но все-таки, если бы он был проницательнее, он мог бы понять, что я нечто большее, чем гимназист, и удостоить меня разговором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.